

СОЦИАЛЬНАЯ МОНОПОЛИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

БЕКОВ Михаил Бексултанович - доктор философских наук, профессор, первый проректор Тюменского государственного института мировой экономики, управления и права.

Проблематика социальной монополии, на наш взгляд, тесно связана с определенными процессами, происходящими в современном обществе и характеризующими изменения в структуре властных отношений, их проявлений в различных сферах общественной жизни. Вместе с тем ее разработка в известной степени дополняет и уточняет аналитические подходы, опирающиеся на понятия "господствующий класс", "элита", "бюрократия", а также "тоталитаризм".

Можно отметить, что одним из наиболее очевидных признаков монополии является стремление к захвату социальной (политической) и экономической (хозяйственной) власти в обществе, на рынке, в превосходстве немногих над многими. Власть как волевые отношения руководства, господства и подчинения - это прерогатива социума, но она неразрывно связана с экономикой, определяет ее развитие как напрямую, воздействуя на институт производства, так и косвенно - путем монополизации руководящих функций, относящихся к другим социальным институтам [1]. Монополизация - это процесс возникновения социальных и организационных предпосылок, позволяющих некоторому субъекту обуславливать, определять жизнедеятельность социума, контролировать плотность, интенсивность и пространственную координацию социальных связей. Такие возможности появляются в индустриальную эпоху и неизбежно сопровождают так называемое массовое общество. Не случайно к числу ценностей современной цивилизации относятся демократические институты и процедуры, различные формы "сдержек и противовесов" в политической, социальной, экономической сферах, к примеру антимонопольное законодательство, преграждающие путь монополизации.

Концепция тоталитаризма, обобщая негативный опыт диктатур XX века, фокусирует внимание именно на негативных результатах отказа от подобных ценностей, предельных случаях образования всеобъемлющей государственной монополии, организации тотального социального контроля. В то же время она показывает, как видоизменяются социальная структура, гражданское общество, поглощаемые государственными структурами, под воздействием не связанного законом насильственного политического господства аппаратной, партийной элиты, возглавляемой харизматическим лидером - вождем. Как известно, в дискуссиях последнего времени обсуждались слабые стороны данной концепции. Вероятно, они есть, но более всего значимо игнорирование исследователями ее идеально-типического характера в веберовском смысле, что приводит в случае ее непосредственного наложения на исторический, фактологический материал к явным недоразумениям. Вообще невозможно без издержек подставить теоретический конструкт вместо многообразия процессов, тенденций, явлений действительности. Процессуальность в трактовке тоталитаризма помогают восполнить представления о тенденциях социальной монополии. Он может рассматриваться как итог, завершающий цикл монополизации, когда из накопленных в обществе предпосылок и условий (прежде всего экономических, в СССР - последовательное утверждение главенства государственной собственности, в Германии - государственного капитализма) складывается ее социальная целостность, в известном смысле функциональная полнота, подразумевающая сверхцентрализацию совокупности экономических, социальных, политических, идеологических элементов.

Достижение апогея тоталитаризма есть одновременно начало его конца. В экономическом плане вне экстремальных (война), кризисных условий неэффективность монополизма дает себя знать. Сознанием монополистов овладевает реформаторская идея, как это было, например, в постсталинские времена. Тоталитарные структуры попадают как бы в обратное течение. Показательна в этом отношении дискуссия о собственности, состоявшаяся почти на излете перестройки социализма [2]. Вопрос тогда заключается в выяснении, кто же все-таки реальный собственник, хозяин условий производства: государство, министерства и ведомства или социалистическая собственность "ничейная". И хотя при обсуждении определился ряд позиций, по мнению участников, не сводимых к единому знаменателю, ценным представляется логика дискуссии, нацеливающая на изучение истории государственной монополизации производства в послереволюционное время.

В основе этого процесса, конечно, лежали развитие хозяйства страны, увеличение масштабов и диверсификация производства, однако формы монополизации определялись и организационными подвижками, своеобразным расчленением единых функциональных характеристик так называемой общенародной собственности - закреплением функций владения, распорядительства, использования, ответственности, контроля за различными органами, инстанциями, уровнями государственной организации. Причем, это распределение не оставалось неизменным, колебались и "весовые" соотношения функций. Показательно то, что как на начальных этапах советского хозяйствования, так и на конечных наблюдалась концентрация распорядительных функций в рамках государственно-административных органов - наркоматов, а затем - министерств и ведомств. Вот эти последние "монополисты" при явном ослаблении централизованного политического контроля, звездный час которого пришелся на сталинский период, и дали повод называть себя если не собственниками в полном смысле слова, то квазисобственниками, хотя формально они были лишь "управляющими собственностью", "принимающими о ней решения". Моментом истины для них стал постсоветский период.

Феномены тоталитаризма, и это их особенность, содержат в себе в качестве движущей силы некоторый политический первотолчок, экспансию политической власти. Если же взять экономическую реальность абстрактно, безотносительно к другим сферам, то и здесь отношения индивидов пронизаны властным моментом, модель свободного обмена, чистой конкуренции далеки от действительной картины. Отношения лидерства в принятии решений, диктата, господства и подчинения между субъектами экономического процесса в различной степени присутствуют в актах покупки, продажи, договоренности, сговора, слияния и т.д., и это понятно, так как речь идет о концентрации, централизации капиталов, распределения прибыли, короче - об интересах. К тому же в хозяйственной жизни субъекты нередко прибегают и к власти нехозяйственной, т.е. власти политической, государственной, гражданской, вообще институциональной.

С возникновением определенных организационно-управленческих форм группирования экономических субъектов можно говорить об экономической монополии, сотканной из властных отношений иерархически-субординационного вида. Характерные для экономической жизни независимое предпринимательство, конкуренция и рынок дополняются вторичной организацией (внутри отдельной отрасли, региона и т.п.), отличающейся преднамеренным волевым воздействием на хозяйственные процессы, конкуренцию и рынок со стороны "центров" принятия решения. На основе подобных монополистических структур не исключено формирование социальных групп (олигархический капитал, финансовый), претендующих на вмешательство в вопросы компетенции государственной власти.

Подход к анализу социальной монополии, базирующийся на понятии господствующего класса, акцентирует социально-политические следствия выхода властного потенциала экономического капитала за свои границы. Марксистское понимание данного понятия исходит из того, что политическая власть определяется экономической властью, хотя связи между

ними не непосредственна и неоднозначна. Предпосылка становления господствующего класса - завоевание государственного механизма. Но сам он не является монолитным и представляет собой сложно структурированное образование, в котором можно выделить группы, занимающие лидирующие позиции в экономическом и политических процессах. Марксистская трактовка нередко сегодня критикуется за прямолинейный идеологизированный характер, но вместе с тем она получила неожиданное подкрепление в российских условиях благодаря представлениям о "партии власти", не сводимым к ее узкому значению как одной из общественно-политических организаций.

Целый ряд интересующих нас наблюдений был сделан А. Туреном, который обосновал необходимость анализа конфликтов через призму теории господствующего и подчиненного класса. Функции социальной монополии не ограничиваются только перераспределением материальных благ или услуг. На основе предложенных им типов действий господствующего класса можно выделить три основные сферы влияния социальной монополии: управление процессами накопления и распределения материальных благ, регулирование духовной жизни и навязывание массам культурной модели поведения. Во всяком случае идея правящего класса, подстраивающего различные институциональные структуры под свои интересы разнообразными методами, способами, имеет вполне реальное проблемное значение.

В последнее время все более и более привлекают интерес философов, социологов и экономистов концепции "элит" как своеобразных субъектов процессов принятия решений, важных для всего социума. Вместе с тем несомненна дискуссионность этой темы применительно к российским реалиям [3]. Особенно если ограничиться трактовкой элиты в духе В. Парето и Р. Михельса, стратификационным смыслом данного понятия, признаками "аристократизма и олигархизма" [4]. На наш взгляд, элитный подход обладает эвристическими социологическими возможностями при условии, если конкретизируются представления о самом процессе принятия решений, о способах и каналах рекрутации и циркуляции представителей элитных групп. И с этой точки зрения сказать, что социальная монополия - это своеобразные социальные "союзы" (элитные группы), захватившие властные рычаги, действенные в широких секторах социума с целью получения социальных сверхблаг, привилегий за счет ущемления социальных прав и интересов иных субъектов, было бы упрощением проблемы. В отличие от элиты структура социальной монополии не ограничена только субъектным составом. Социальная монополия - сложно структурированное образование, его компонентами являются: субъекты, отношения, учреждения, формализованные и неформализованные связи, социальные нормы и культурные образцы, с помощью которых упорядочивается социальная жизнь в интересах какой-либо группы.

Новый импульс в исследованиях элит содержится в концепции капитала, предложенной П. Бурдьё. Если в традиционном смысле капитал выводит на проблему неравенства в доходах и дифференциацию общества на экономически господствующий класс, средний класс и бедные классы, то в трактовке французского социолога он предстает вне границ экономической сферы как социальная энергия вообще, которая может содействовать в конкурентной борьбе. Культурный капитал выступает в двух видах как образовательный (диплом и срок обучения) и унаследованный культурный капитал (через семью). Образовательные учреждения распоряжаются культурным капиталом, ранжируют его неравное распределение и таким образом участвуют в производстве социального порядка. Эта связь отчетливо стала просматриваться в формировании, с одной стороны, элитных учебных заведений, а, с другой, примитивизации общедоступного образования, что теперь стало характерно и для России. Выделяется им также третий тип - социальный капитал, определяемый совокупностью используемых человеком социальных отношений и связей [5]. Взаимосвязь, переплетение этих видов капитала наблюдается и в российских условиях, в частности в конверсии социального капитала в экономику и политику. Соответственно, и экономический капитал может способствовать накоплению культурного и социального капитала, что при изучении формирования и циркуляции элит непосредственно затрагивает проблематику социальной монополии.

Чрезвычайно острой для России исторически не раз выступала проблема бюрократии. Для понимания субъектности социальной монополии важен анализ положения человека в бюрократических структурах, в особенности наличие иерархических рангов и привилегий. В еще большей степени это становится очевидным, если представителей бюрократии рассматривать не с привычных позиций социальных ролей, т.е. безлично, а как живых существ, способных формулировать и выдвигать собственные цели, преследовать личные интересы. В этом случае подрывается обоснованная М. Вебером рациональность бюрократии, которая собственно и превращала субъектов этой системы в простых носителей функций. Внутри и наряду с рациональной системой бюрократии начинает функционировать другая, неформальная система, в которой особое значение приобретают отношения обмена властью и власти на жизненные блага. Бюрократия обретает собственное движение, стремится к самостоятельности, накапливает готовность встать над гражданским обществом в форме бюрократических структур и во имя общего блага. Отсюда и тот размах бюрократического вмешательства в частную жизнь, который с тревогой отмечают, например, во Франции. Укрепляется опасная тенденция слияния административной системы с политикой.

Бюрократия в рассмотренном смысле выступает как одна из частных форм (институциональная) субъекта социальной монополии, представляющего собой "вертикально" и институционально организованную социальную группу, которая может рекрутироваться из разных слоев общества, но с обязательным наличием предпосылок социально-властного капитала. Этот субъект с трудом поддается количественному и качественному анализу. Он, как правило, не декларирует себя в качестве какой-либо целостности, не имеет четко локализованной среды обитания и жизнедеятельности. Однако как некое существо субъект социальной монополии способен совокупно реагировать на опасность, принимать защитную окраску, пользоваться средствами обороны и нападения, отличать своего от чужого, расти и обновляться.

Предпринятая нами попытка постановки вопроса о социальной монополии затрагивает лишь некоторые теоретические аспекты темы. Вместе с тем думается, что данная проблематика заслуживает обсуждения социологами, более углубленного анализа на основании эмпирических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Eaton J.* Political economy. A marxist textbook. London, 1963. P. 255.
2. *Пузановский А.* Государственная собственность и система государственного социализма // Вопросы экономики. 1989. № 6. С. 99-103; *Абалкин Л.И.* О практических шагах по переходу к рыночной экономике // Экономика и жизнь. 1990. № 49. С. 3-5; *Lawrence E. Harrison.* Who Prospers: How Cultural Values Shape Economic and Political Success. New York, 1992. *Вихановский О.* Собственность и управление // Вопросы экономики. 1989. № 6. С. 92—99; *Фигурнова Н.* Монополистические тенденции в экономике социализма и деформации экономического роста // Вопросы экономики. 1989. № 8. С. 96-106; *Shlapentokk V.* Public and private life of the soviet people. Changing values in post-stalin Russia. New York, 1989. P. 281.
3. *Тощенко Ж.Т.* Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами // Социол. исслед. 1999. № 11.
4. *Colson Ch., Eckerd J.* Why America doesn't work. Dallas, 1991.
5. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-logos. 1993